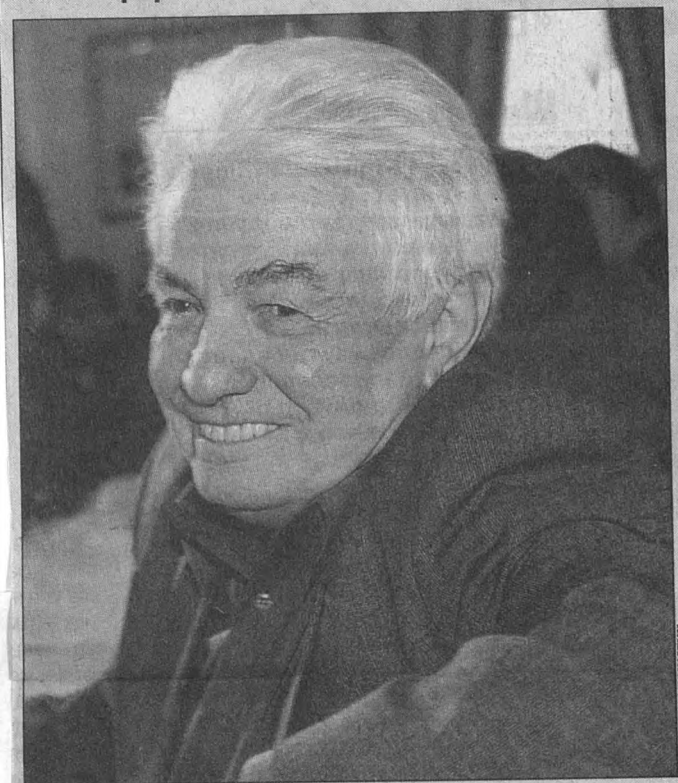

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

«Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича» — это хроника себя»

Михаил Поздняев

В субботу начинается уникальный эксперимент — публикация нового романа Владимира Войновича в «НИ». Впору сказать, «интерактивного романа», поскольку, по признанию автора, это первая книга, сочиняемая им в соавторстве с читателем. В канун премьеры нашего совместного литературного проекта Владимир Николаевич Войнович нашел время ответить на вопросы обозревателя «НИ».

— Чем ваше новое сочинение отличается от предыдущих книжек, в которых также содержалась значительная доля документального, автобиографического материала?

— Таких книг было несколько, но все это были куски, пусть и большие, моей жизни. Например, «Иванькиада» — рассказ о том, как я вселялся в новую кварти-

ру, которую хотели отдать нужному советской власти чиновнику. Или «Дело № 34840» — про то, как меня отравили в гостинице «Метрополь». Или «Портрет на фоне мифа», где прослежены, почти поминутно, мои отношения с таким уникальным явлением советской жизни, как Солженицын... Вообще в любой книжке я как бы попутно сообщал факты своей биографии, примыкавшие к основной теме. Но в какой-то момент я сообразил, что какое-никакое значение имею сам по себе. Тут совсем не пахнет манией величия. Просто каждый человек, любая жизнь — огромный мир. И я написал «Замысел» — роман, название которого намекает на то, что в появлении на свет каждого из нас есть Высший замысел, Божий проект...

В «Замысле» попеременно идут главы документальные и вымышленные. А «Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича» — книга, жанр которой — «хроника себя» — намекает на то, что моя биография, какая бы ни была скромная, — часть мировой истории. И вымысла здесь никакого не будет.

Окончание на стр. 5

«Жизнь и необычайные приключения писателя...»

Окончание.
Начало на стр. 1.

— Но соблазн вымысла, домысла, фантазирования в писательской работе все равно присутствует?

— Конечно, и я до сих пор пытался удовлетворить этот соблазн. А теперь мне хочется написать «хронику себя» — но и хронику каждого из людей моего поколения, таких разных, зачастую враждебных, но слитых воедино большим пластом времени.

Когда-то я написал книжку «Хочу быть честным». И моя теперешняя «хроника себя» продиктована тем же желанием. Жизнь моя, в общем, была честной, а с читательской точки зрения, надеюсь, это будет не скучно. В каких-то случаях я буду, наверное, повторяться — рассказывать о том, что моему читателю известно, но, знаете, лишний раз что-то повторить — это иногда полезно... Вот об этом я хотел бы заранее договориться с читателем...

— Еще два вопроса. Сейчас среди людей вашего поколения, вашего воспитания, вашего круга идет спор: жизнь удалась или не удалась? Она веселая была или пошла под откос? И надо, как Обломов, на диван залечь или идти на площадь митинговать за льготы?

— Моя собственная жизнь удалась. Я получил от нее больше того, чего ожидал, но, может быть, немножко меньше того, на что был способен... А что касается жизни моего поколения — мыслящей его части — им всем тоже повезло влезть в узкую историческую щель. Совпасть по возрасту с обра-

зованием этой узкой щели и что-то суметь сделать. Это чудо надо ценить — совпасть с щелью времени.

— И последний вопрос. В чем прелесть работы над романом для газеты, который еще не дописан, а уже печатается?

— Прелесть в дисциплине. В том, чего нам всем сегодня не хватает. У меня написано уже много, но я должен это все приспособить к вашей газете. Это и трудно, и интересно, и, главное, по-человечески дисциплинирует. Хватит необязательства и нытья — того, что нам всем так страшно мешает...